

У зеркала

Автор: Криницкий Марк

Марк Криницкий

У зеркала

I.

В этот день Калерия встала с мыслью о Мишеле. Наконец он сегодня приедет, и все устроится.

Она не умела сказать определенно, что подразумевалось под этим словом "все". В эти последние месяцы она ходила точно у темной бездны. Дни и ночи жгла мысль об Агнии и о значении того, что случилось с сестрой.

То, что произошло, казалось ей почему-то огромным, всеобъемлющим, что потопило навсегда я ее жизнь. И не потому, чтобы поведение сестры компрометировало и ее.

Когда она подумала вчера, что об этом придется сказать Мишелю (ведь он, как старый друг их, разрушенного со смертью папы, гнезда, имеет на это право), вся кровь ударила ей в голову. И это не был страх перед тем, что он отвернется от их семейного позора и уйдет. Нет, но и он будет запутан в это же сложное, невыносимое.

И Калерия точно от нестерпимой боли закрывала веки и кусала пальцы.

Правда, с недавних пор с Агнией как будто перемена. Она уже четвертую ночь ночует дома, и третьего дня была даже с Варей в концерте. Вернулась и долго сидела, все читала. Какие-то новые мысли бродят в ее голове.

Только это все непрочно. С этой скользкой дорожки не возвращаются.

И в отчаянии она трясла головой точно старуха. Часто, когда по ночам Агнии не было дома, она сидела не раздеваясь на своей постели. Она ждала возвращения сестры, которую считала больною, и сама отпирала ей дверь.

И когда она думала о том, как это случилось, то все складывалось так естественно.

Ведь еще когда был жив папа, у Агнии начали обнаруживаться подобные наклонности. Но тогда не обратили внимания. Она кланялась в окно с незнакомым приказчиком из соседнего магазина и нехорошо при этом смеялась. И движения у нее были особенные, нехорошие. Она никогда не стояла и не сидела просто. Казалось, все ее существо было напитано чем-то, противным. На мужчин она еще девочкой смотрела вызывающе нагло, и глаза ее смотрели старше ее личика. Но, когда Калерия сегодня, проснувшись, почувствовала, что приедет Мишель, свет этого утра внезапно показался ей особенным. И этим светом так загадочно по-новому осветилась их меблированная комнатка. Что-то приятное наполнило руки и грудь. И вдруг показалось, что все будет хорошо, и безотчетно поверилось.

И было жутко и стыдно от этой мысли. Но губы сами собой смеялись.

-- Он приедет... чего же более?

Калерия встала, стараясь не разбудить спавших Агнию и Варю. Агния будет спать, как всегда, до часу, а Варя скоро встанет, чтобы идти в консерваторию. И ей хотелось в это утро помечтать в одиночестве. Она такая серьезная и немолодая (ей 25 лет) умела мечтать, как девочка.

Тайком, еще не одетая, она подошла к зеркалу и, делая вид, что поправляет его на стене, стыдясь заглянула в него.

Все три сестры, вставая всегда подходили к зеркалу, точно козочки к светлому ручью, и заглядывали в него. И Калерия всегда мучительно стыдилась этого, словно в глубине зеркала скрыто было что-то позорное и смотревший в него чем-то себя унижал и загрязнял.

Зачем это? -- спрашивала она себя, негодуя и стыдилась странного блеска своих глаз в зеркале, словно она совершала дурное и недозволенное.

Но почему грех любоваться своим лицом?

И, волнуясь, она каждый раз с новым удивлением торопливо оглядывала свой образ в зеркале. Ей бы хотелось взглядеться в каждую черточку, чтобы изучить ее и навсегда запомнить; но делалось отчего-то нехорошо и неловко, и она каждый раз отходила, не схватив отчетливо очертаний своего лица, полная смутного и волнующего впечатления.

Одно только она постигала отчетливо, что она красавица, редкий, манящий тип, кружащий людям голову. И ей самой казалось, что все кружится и плывет перед ней в блаженном видении.

-- Красавица!

И ей хотелось благоговейно целовать собственные руки и благодарно преклонить колена перед источником всякой красоты, отблеском которого она была на земле.

Она вставала раньше сестер и каждое утро посвящала несколько трепетных минут на уход за красотой, которая ведь так непрочна. Она вытиралась самым тонким полотенцем, точно не осмеливаясь притрагиваться им к коже, чувствуя каждый, неожиданно образовавшийся бугорок, каждую малейшую шероховатость и тогда с тревогой рассматривала соответственную часть лица в маленькое ручное зеркальце, предварительно подышав на него и тщательно протерев. С левой стороны умывальника висела ее небольшая туалетная полочка, и тут можно было найти только самые легкие, освежающие косметики. И все стояло в образцовом и строгом порядке, в полную противоположность туалетному столику Агнии с просыпанной пудрой, брошенными грубыми флаконами и помадами и густым одуряющим запахом крепких духов и едких туалетных специй.

Сегодня Калерия подольше задержалась перед зеркалом и, всматриваясь все пристальнее и пристальнее, вдруг почувствовала радостно и жутко, что увидела себя всю, до последней отчетливости, и вспыхнув, приложила руку к верхней части груди, точно ей трудно было перевести дыхание.

И тотчас же оглянулась, и знакомый непонятный, мучительный стыд охватил ее.

-- Зачем это? Зачем? -- спрашивала она себя печально.

И ей казалось, что зеркало соблазняет.

Разве же не главное у человека душа?

Так ей хотелось убедить себя, но губы ее против воли чувственно и лукаво смеялись. И хотелось быть нерассуждающей, жестокой и счастливой.

Калерия поспешно оделась, приказала подать самовар и, затаив где-то в глубине свое чувство, села проверять тетради учениц.

II.

Встала Варя и полуодетая тоже сначала подошла к зеркалу. Калерия старалась углубиться в работу. Собственно, она должна была бы сделать девочке замечание, что не годится быть такой кокеткой. Ведь это все делается так постепенно. Кроме того, девочка слишком подолгу простаивает перед зеркалом. Она страдает по утрам от мучительного любопытства. У бедняжки слишком крупные, одутловатые черты лица. Каждое утро она подходит к зеркалу с робкой надеждой, но проклятое стекло каждый раз обманывает и оскорбляет ее.

И Калерии хотелось бы крикнуть маленькой страдальце:

-- Это вздор! Дело не в лице, а в душе!

Но она должна молчать, и выходит так, что она своим молчанием одобряет, во всяком случае, допускает подобное поведение. Какая же она старшая сестра?

И ей кажется, что Варя нарочно дольше обыкновенного торчит у зеркала; рубашка спустилась у нее с одного плеча, и видна худенькая лопатка. И необходимо терпеть это безобразие.

Чтобы прервать наконец эту сцену, она говорит строго и деловито:

-- Сегодня приедет Мишель.

Девочка осталась неподвижною; только губы ее изобразили презрение: удивительную ей сообщили новость! Но пусть она сама подавляется этим Мишелем.

Девочка всегда ревновала. Ей казалось, что ее никто не может любить.

-- Меня вовсе не занимает твой Мишель! -- наконец сказала она неожиданно грубым голосом, делая ударение на слове "твой" и мусоля толстым и коротким пальцем брови.

Калерия испуганно подняла голову. Ей было непонятно такое внезапное проявление открытой вражды.

-- Что с тобой? -- спросила она строго, голосом старшей сестры, которая воспитала ее.

Варя усмехнулась и молча передернула плечами: ах, о таких вещах не говорят!

С деланно-равнодушным видом и покорно надутым лицом она отошла от зеркала.

Калерия почувствовала, что последний авторитет ускользает от нее. У нее задрожали руки. Девочка была к ней неблагодарна.

-- Ты странно себя держишь! -- строго заметила она, склоняясь над тетрадями и чувствуя, как краска заливает ей уши.

Варино лицо изобразило насмешливое презрение. Она прекрасно понимала, в чем тут дело.

За перегородкой пошевелилась Агния. Видимо она не спала, а слушала и, почему-то Калерии показалось, тоже неприязненно.

Приезд Мишеля вносил в их мир что-то неожиданно запутанное и неприятное, и у нее сжалось сердце смутным тяжелым предчувствием.

Коридорная горничная Дуняша внесла самовар и белый хлеб.

-- Черт вас возьми! -- сказал грубый голос Агнии. -- Не даете заснуть...

И от ее голоса точно стало в комнате серо и грязно. И стали видны все лоскутки, весь сор и все пятна.

И вдруг вспомнилось, что она "такая", что Варя зла и неблагодарна и что у нее зачинены локти и порваны чулки.

И захотелось прочь от этой жизни в другую, в светлую.

И так ясно и отчетливо она подумала:

-- Мишель будет моим!

И вся переполнилась торжеством и светом. И странно было, что когда-нибудь она могла стыдиться этой мысли и думать о чем-нибудь другом.

III.

Когда Калерия вернулась из гимназии, Агния продолжала еще валяться в постели. Слышно было, как она угрюмо заворачивалась в одеяло, точно хотела плотно завернуться от разных мыслей.

И Калерия ощутила к сестре острую жалость. Ей хотелось строить планы о том, как она постарается окружить ее посильною роскошью: ведь Мишель будет, конечно, богат. В совершенно новом кругу она позабудет свои привычки. Ведь она умная и способная. Она будет учиться, приготовится на какие-нибудь курсы... И, упрямо отклоняя все возражения, она продолжала мечтать.

Ее мысли были прерваны довольно громким и бесцеремонным стуком в дверь номера. Она подняла строгое, внимательное лицо, склонившееся над ученическими тетрадами, и прислушалась.

Стук повторился, настойчивый и странно бойкий. Видимо, стучавший был веселого нрава и привык обращаться запросто.

За перегородкой закрипела кровать я слышно было, как приподнялась Агния и стала шарить ногами туфли.

-- Там стучат! -- сказала она неожиданно примирительным и ленивым голосом, точно этот стук был лично ей хорошо знаком.

-- Я не понимаю, кто это может к нам стучат таким образом, -- сухо сказала Калерия.

-- Я не понимаю, что это может значить...

Агния! -- вдруг вскрикнула она страшным голосом, и смутная догадка вдруг перешла у нее в уверенность.
-- Агния! Ты слышишь? Я требую...

Каждый раз она в таком случае воевала с сестрой, но сегодня это показалось ей особенно непереносимым.

-- Слышу, -- тем же ленивым голосом протянула Агния, но в нем уже был заметен легкий оттенок иронии.

Слышно было, как она выправляла из-под ночной рубашки густые и непокорные волосы.

Калерия почувствовала, как внезапно бледнеет. Она знала, что должна сейчас решительно поступить.

В это время дверь номера нетерпеливо приотворилась, и в нее до половины просунулась фигура трактирного полового в темно-синей поддевке, из-под которой резко и непривычно выделялись белые штаны.

-- Барышня Агния Васильевна дома? -- спросил он, соединив в лице и голосе выражение таинственности и сальности.

Калерия почувствовала, как у нее задрожали руки и голова.

-- Я вас прошу... вон, вон сейчас же! Как вы смеете входить без спросу?

-- Что же-с? -- спросил половой нахально, видимо приготовленный к такому отпору.

Калерия подошла и хотела захлопнуть дверь перед его носом, но он протеснился вперед и, загородив собою выход, начал бойко и обстоятельно докладывать, обращаясь в пространство, видимо привычный к таким делам.

-- От господина Курникова из гостиницы Орел. Они просят прийти Агнию Васильевну. Больше-с ничего не приказано передать. Они, говорят, знают.

Калерия нажала кнопку. Ей ответил протяжный и беспокойный звон.

Тотчас же за дверью послышались шаги.

-- Скажи, что буду! -- крикнула Агния из-за перегородки, держа что-то в зубах, вероятно, шпильку. -- Чтобы больше не беспокоили через посыльных, -- прибавила она капризно.

-- Слушаю! -- весело сказал половой, приятно ослабившись, точно их голоса встретились и узнали друг друга.

Он повернулся и исчез так же быстро, как и вошел.

В дверях стояла горничная, пришедшая на звонок. На лице ее была написана фамильярная усмешка.

-- Вам чего угодно? -- спросила она таким тоном точно хотела сказать: и вы тоже осмеливаетесь звонить?

Калерия заставила себя приветливо улыбнуться и бледными беззвучными губами попросила:

-- Пожалуйста, обедать, Дуняша.

Когда она вернулась к своему столу, Агния уже стояла перед зеркалом, голая, со спущенной рубашкой на полу. Ее лицо было решительно и спокойно. Жесты, с которыми она небрежно проводила руками по

обнаженным бокам, показались Калерии особенно наглыми. И ей захотелось крикнуть ей что-нибудь в последней степени оскорбительное.

Подойдя вплотную и смешно кивая головою, точно какая-то птица, она прошипела ей в лицо:

-- Развратная...

И, круто повернувшись, отошла к своему столу с тетрадами. Оттуда ей было видно в зеркале отражение сестры.

Та продолжала стоять молча, точно это не ей было сказано. Взгляд ее угрюмо смотрел дальше, вглубь. В этой комнате все громкие фразы давно уже звучали фальшью, и Калерии было неловко.

Агния сделала глубокий вздох и переложила руки на бедра. Она смотрела перед собою остро и отчетливо: решала "имеет ли сегодня свой beau jour".

И было видно, что она умна и знает, чего хочет.

У нее было несколько удлинненное лицо с характерным хищным крючковатым носом и высоким отлогим лбом, над которым торчали кудряшки, казавшиеся лишними. Глаза у нее были подслеповатые, крохотные, точно у какого-то сурка, и лицо в пятнах.

При взгляде на нее невольно делалось досадно, что такое существо хотело любить. Казалось, что ей лучше всего было бы сидеть где-нибудь в незаметном углу и работать на других. И хотелось быть жестокой к ней, и только лицемерная привычка умалчивать о самом главном заставляла притворяться.

Но видно было, что Агния прекрасно понимает свое положение. Казалось, в этой комнате не было ничего не досказанного. Здесь души предстояли друг перед другом в последнем жалком неглиже, за которым не было никаких утешительных иллюзий.

И Агния спокойно и беззастенчиво, как будто она была одна в комнате, делала общий беглый осмотр своих обнаженных членов. Что значит нагота тела в сравнения с наготой раскрытой до последнего позора души?

Угрюмо и особенно подробно она останавливается на чертах своего лица. Трогает синеватые круги под глазами и, вероятно, в миллионный раз с удивлением спрашивает у Господа Бога, почему он дал ей вместо лица эту маску.

И каждый раз она обдумывает перед зеркалом, как исправить ошибку Создателя.

У нее длинные роскошные волосы, точно случайно прилепленные к ее птичьей голове, и она старается построить из них шикарную, кричащую прическу. Она репетирует нравящиеся телодвижения. Каждый жест у нее рассчитан.

Сурово и строго стоит она перед зеркалом, точно судит своего Творца.

И Калерия невольно отворачивается, чтобы не видеть знакомого ей нестерпимого зрелища.

Наконец Агния молча и как бы несколько торжественно берет со спинки стула приготовленную голубую рубашку и, накинув ее, важно садится тут же на стуле и начинает прическу.

Ей нужно спешить.

IV.

Да, ей нужно спешить. Господин Курников, наверное, нетрезв и сердятся. Но Калерия чувствует, что ей хочется что-то сказать. Она точно усмехается самой себе.

Так проходит несколько времени, и Агния начинает говорить. Сначала она берет с явной, раздражительной усмешкой обломок карандаша и проводит им под глазами. Она уже почти одета. На ней ярко-красное платье и такие же башмаки. При поверхностно скольльзящем взгляде она может даже показаться интересной; в ней есть шик. И в этом смысле она странным образом права.

Губы у нее уже приняли ярко малиновый оттенок, и она с невольной ужимкою старается говорить, не смыкая их, чтобы были видны красивые, ровные, белые зубы, главное ее украшение. Правда, лицо ее с

подведенными глазами и бровями превратилось под слоем белил и румян в безжизненную, непроницаемую маску, и теперь нельзя, в сущности, сказать, красиво оно или нет: оно стерлось; остались черты фарфоровой куклы с странно живыми бегающими глазами. Впрочем, это согласно с своеобразным этикетом: ведь лицо для нее -- только условная часть туалета; оно -- дополнение шляпки, не более. "Так" женщина должна быть шикарна в целом, от края нижней юбки до верхушки шляпки. К тому же лицо еще закрывают довольно густой вуалью, и оно оттуда светится, как равнодушная маска покойницы. И Калерия не может победить щемящего чувства, что она чем-то неправа перед сестрой что она пустая и вздорная мечтательница, и жизнь глубже и огромнее.

-- Ну, а ты святая? -- сказала Агния. Она рассмеялась деланным смехом.

-- Не оттого ли, что каждое утро кривляешься перед зеркалом?

Калерия покраснела, точно внезапно увидела себя раздетою в постороннем присутствии. И сразу ее охватила прежняя ненависть к сестре. Как она смеет прикасаться к ее счастью своими захватанными руками?

Однако она еще ниже наклонилась над тетрадями, так что написанные буквы стали ей казаться большими-большими.

И ей внезапно захотелось, чтобы сестра поскорее ушла, и все разом кончилось.

-- Или, быть может, оттого, что всюду выставляешь напоказ твою пошлую предлагающуюся физиономию? -- продолжала Агния.

Она полусогнула указательный палец и стала осторожно проводить им по бровям, снимая пудру.

-- Ну, уж это слишком! -- сказала Калерия и, плотно сжав побледневшие губы, подняла голову. -- Прошу вас не забываться.

Ей хотелось крикнуть Агнии что-нибудь резко-обидное.

Обе смотрели друг другу в глаза и тяжело дышали.

-- Ты меня сама задела первая, -- сказала Агния. -- А кто меня заденет, тому я никогда не прощу. Ты сама дрянь хуже меня, хотя и бережешь себя. Ну, да мне это все равно. И это еще вопрос, от кого разврат, от таких, как я, или от таких, как ты.

Она с холодным презрением смерила сестру.

-- Я, по крайней мере, не кричу всем и каждому: "Ах, как я хороша, а что у меня на душе это не известно. Может, там одна дрянь. Смотрите, какая я фарфоровая кукла! Какие у меня невинные глазки и нежный носик! Может быть, у других и ум и сердце в тысячу раз выше, что из того?"

Калерия не понимала, к чему она все это говорит, и весь этот разговор казался ей мучительно-нелепым.

-- Я не понимаю, чего тебе надо от меня, -- сказала она высокомерно.

Агния напряженно усмехнулась.

-- Это не разврат?

Она вдруг взглянула на сестру остро и строго.

-- Отвечай мне! Не лги только, как всегда!

-- Когда я тебе лгала? -- спросила Калерия, стараясь казаться спокойной.

И у нее было такое чувство, точно она спокойно с закрытыми глазами, идет к какой-то пропасти. Это был совершенно нелепый разговор, но обе инстинктивно продолжали его.

-- Я тебе докажу, что это и есть самый настоящий разврат, продолжала Агния, непонятно волнуясь и с ненавистью взглядывая через плечо на сестру.

Она подошла близко к самому столику, и обе теперь смотрели вплотную друг на друга.

-- Кто сделал из женщины пошлую самку? Ну, отвечай!

В лице ее изобразилась брезгливость.

-- Я с этим не согласна, -- сказала Калерия, -- не всякая женщина пошлая самка.

-- Не всякая? Нет, врешь, моя милая...

Внезапно лицо ее сделалось совершенно багровым под слоем румян и пудры, точно Калерия нанесла ей этими словами личное оскорбление.

-- Не обманешь, голубушка!

Она вдруг нагло и цинично рассмеялась.

-- Во всяком случае не тебе об этом говорить. Вопрос может быть только в том, кто это сделал. Кто украл у женщины право на ум, на душу, на все? Кто сделал, что нас спрашивают об уме и прочем только для приличия, а на деле смотрят только в рожу: годится или не годится...

С пунцово-фиолетовым лицом и белыми разводами на щеках она казалась Калерии почти страшной и чудилось, что за ее спиной стоит какая-то огромная невысказанная мысль.

-- И курсов этих женских настроили только для одного приличия, -- презрительно продолжала Агния. -- Женщина -- мать, сестра! Ха-ха! Как же! Держите карман шире! Кто это сделал? Ну?

Калерия в смутном удивлении молчала, откинувшись на спинку стула.

-- Вот такие ангелы чистоты и невинности.

Агния прокурорским жестом ткнула чуть не в самое лицо сестры.

-- Вы ограбили женщину! Вот такие...

-- Странно... Каким же образом? -- опросила Калерия полунасмешливо.

-- И каждая из вас старается утопить друг дружку... Туда же о честности! Глотку готовы перервать... И рожницы ваши устроены так, чтобы возбуждать в самых порядочных мужчинах самые низкие чувства! Вы не развратницы? Нет, вы и есть самые главные развратницы... высшей марки... Это вы влачите женщину по грязи... принижаете все ее человеческие чувства...

-- Это странно, -- сказала Калерия вставая.

Голос ее дрожал.

-- Какие однако эти мужчины бедные. Не велишь ли ты нам, чтобы перестать нравиться, обезобразить себе лицо? Это единственный вывод из всего нашего разговора.

Лицо Агнии точно потемнело.

-- Нравиться? -- переспросила она, с грубой иронией. -- Тебе надо объяснить, что такое значит "нравиться"? Последняя кошка на заборе может нравиться точно таким же образом! Вот что значит "нравиться"... И с губ ее, точно прорвавшись, посыпались грубые, площадные термины.

-- Не смей! Я не хочу тебя слушать! -- сказала Калерия, красная как пион от стыда и возбуждения. -- Ты грязная...

Ей хотелось плакать от обиды и злости.

-- А ты чистая? -- кричала Агния.

-- Да, ты грязная, грязная! -- упрямо твердила Калерия, затыкая уши, и ей хотелось себя уверить, что Агния действительно грязная и все, о чем она говорила, сплошная грязь и ложь. Но в сквозь заткнутые уши до ее слуха точно доходило что-то отвратительное и липкое, что против ее воли пачкало ее.

-- Не хочешь слушать? -- кричала Агния. -- Не любишь, фарисейка, слушать правды? Она схватила с подзеркальника круглую гребенку и швырнула ее в лицо сестры. Та даже не пошевелилась. Гребенка пролетела мимо и с треском ударилась в стекло.

Калерия испуганно вскрикнула и вдруг, упав лицом на руки, зарыдала.

-- Плачь, пожалуйста, плачь! Утешители найдутся...

Агния опустила коричневую, золотистую вуаль и, вся дрожа, направилась к двери.

Вдруг она, как будто, вспомнила что-то до крайности забавное.

-- Мишель! Ха-ха-ха! Боже, сегодня приедет Мишель! Ха-ха-ха! Бегите, господа, встречать Мишеля!

Она противно кривлялась в дверях.

И Калерия внезапно почувствовала странный холод в груди. Она подняла лицо и, бледная, с искаженным от ненависти лицом, закричала:

-- Не смей! Не прикасайся! Ты -- грязь, грязь!

И обе они кричали, не слушая друг друга, и бранились точно торговки.

V.

Когда Калерия пришла в себя от долгих до истомы слез, она почувствовала странную свежесть во всем существе и что-то похожее на какое-то острое, еще не вполне ясное оскорбление.

Ей, вспомнилось, как уходила Агния, ненавидящая ее и презирающая. И хотелось самой себя ненавидеть и презирать.

Что произошло?

Одно было ясно, что Агния сказала одну правду, страшную, скрытую. И это оттого, что разврат бывает всегда, когда любовь приобретает внешними путями, через кокетство, через лицо, и во всяком случае помимо души.

В это надо только вдуматься. Вот Агния. Ведь у нее, может быть, очень хорошая душа. Она очень умная, но, никто не спрашивает ее об этом. Вероятно, она была бы чудная, серьезная мать, во всяком случае лучше, чем она. Но ей смотрят только в лицо: годится или не годится.

Позор! Наглость!

Калерия вспыхнула и выпрямилась. Резанула по сердцу острая обида за кого-то, за всех... И хотелось кому-то отомстить. И так все делалось ясно.

Вот именно от этого Агния сделалась такой грубой, потому что лицо грубо. Разве ей не казалось всегда ее собственное лицо чем-то стыдным, таким что надо прятать, как интимную часть тела, и она раньше краснела до слез, когда на нее внимательно смотрели. Это грубо и дерзко, и унижает человека, но это так принято.

И все знают об этом и лицемерно молчат, и чуткие и высокоразвитые. Все точно сговорились. Никто не крикнет. Все делают вид, что ничего не замечают. Об этом просто не принято говорить в порядочном обществе. У кого странное лицо, тот должен погибать молча из-за носа или какой-нибудь нижней губы, точно раздавленный червяк. И все образованные и чуткие люди будут тебя старательно обходить.

Говорят, будто таков закон природы.

-- Но это же ложь, ложь! Тогда всякую другую несправедливость можно оправдать каким-нибудь другим грубым естественным законом. Ложь и человеческая подлость!

Иногда только кто-нибудь берет серной кислоты и обливает другую, такую, как она. И говорят, что это преступление и скандал. Но на самом деле так и надо! И нисколько, нисколько не жаль.

И Калерия чувствовала, как душа ее постепенно освобождается от чего-то грязного и липкого, что внезапно прикоснулась к ней. Это она уже после развратилась. Ей -- страстно захотелось чистоты первых ребяческих дней, и она силилась представить себе собственное прошлое. И точно что-то светлое поднималось над нею, как облако. Такою она была.

О она снова будет ею.

И хотелось с кем-нибудь поделиться радостью.

Вспомнился Мишель, и вдруг забилось сердце. Стало точно темно и душно.

Подумалось, что Мишель любит ее лицо, волосы, руки; что она существует только для него?

И вдруг мысль простая и ясная:

-- Почему непременно ты?

И хотелось лукавить:

-- Потому что я люблю его душою.

-- Ну, а он? Что ты знаешь о нем?

И становилось жутко. Ее душа наполовину принадлежит ему, а она еще не знает, кто он. И кто она для него?

Кем может быть для него?

И ничего не могла припомнить, кроме черт его лица, милых, но непонятных и внешних.

Разве они когда-нибудь говорили серьезно?

И было стыдно и больно вспомнить обо всем, и о поцелуях, точно украденных у кого-то.

Может быть, он совсем чужой для нее?

И хотелось не думать и кинуться точно в пропасть. И навек сделаться жестокой и равнодушной...

...Калерия выпрямилась, точно от внезапного толчка; взгляд ее упал на туалетную полочку и что-то сжалось внутри от молчаливой ненависти к кому-то.

-- Зачем эти жалкие ухищрения?

И хотелось плакать злыми слезами.

Или это оттого, что она состарилась?

Когда-то это слово пугало ее. Сейчас она испытывала радость по поводу его.

Пусть сердце станет деревянным и мысли острыми, как сталь. И остаток дней она проведет в мыслях над жизнью, будет думать о себе и о других, больше о других.

Решительно она встала с места, подошла к полочке и снимала все, что показалось ей лишним. Оставила только зубной порошок и две щеточки. И от этого стало легче. Явилась решимость.

В это время Дуняша принесла обед.

-- Вот возьмите, если хотите, -- обратилась она к горничной, -- все это... Это -- духи... Мне ненужно... А еще лучше, бросьте совсем... От всего этого гибнут люди...

Она говорила и улыбалась, точно во сне или точно это говорил кто-то другой.

И было от этого холодно и весело в груди.

Она должна изменить в конец свой угол зрения на мир и людей.

Дуняша поставила обед и взяла пузырьки и коробку с пудрой. И видно было, что она вовсе недурная девушка. Но она была уже вся завита, и щеки у нее были неприятно подкрашены. Она страдала, как все.

-- Благодарим покорно, -- сказала она сухо.

Наверное, она ничего не поняла. И Калерия подумала, что бедняжке предстоит долгая, темная жизнь.

Но для нее уже все изменилось с этого момента. Да, да, изменилось. Она хочет так. Конечно, все приобретается опытом.

Надо только сказать себе:

-- Ты была дурная. Но это кончено. Начинается новая жизнь. Жизнь души.

Калерия распустила высокую, модную прическу и перечесалась по-прежнему, просто в две косы. Когда

пойдет в гимназию, их можно будет обернуть вокруг затылка.

Приходила Варя, увидела странную прическу, насмешливо подняла губы трубочкой вверх и опять ушла.

* * *

Уже восемь часов. Через четверть часа он будет здесь. И она чувствует, как слабеет ее решимость.

Он войдет, поманит ее, и она, забыв сестер, кинется к его ногам и растворится в его желании.

О, если бы он был высокий и светлый! Но он, может быть, самый обыкновенный и узкий, с узкими чувствами и узким горизонтом, рядовой, слабый мужчина.

И он будет ее бессознательным врагом, и капля по капле возьмет ее душу.

Быть может, он уже сейчас стоит за дверью. Один момент, и он возьмет ее слабой и недостойной себя самой.

О, если бы она могла выплакать у его колен свою слабость, как сестра, как его сомневающаяся младшая сестра!

Но нет, этого нельзя допустить! За себя и других. Она возьмет себя в руки. Она скажет себе:

-- Там стоит твой враг. Он пришел украсть твою душу и бросить ее себе под ноги. Не уступай ему ни пяди поля битвы. Помни, что за твоей спиной стоят другие, безоружные, стоит Агния и Варя и другие... разве не все женщины сестры? Разве ты не знаешь, что он коварен и беспощаден? Скажи ему, что ты тоже будешь беспощадна, что между вами нет и не будет добрых отношений?..

Не будет... Но почему же не будет?

Сердце колотится, точно колокольчик, и в руке звучно тикают часики, точно второе сердце. Уже прошли сроки.

Поезд, наверное, опоздал, нарочно опоздал, чтобы она могла еще раз все взвесить и оглядеться.

Почему же она так упорно убеждена, что он мужчина тупого, варварского типа? Он был молод, тогда молод, почти мальчик. Может быть, и его состарило время, изранило сердце время? Может быть, он придет, как тихий друг и брат, и они будут вместе думать над жизнью и разгадывать жизнь. И ни одной грубой мысли, ни одного дикого желанья не будет между ними... Припав головой к холодному стеклу, она шепчет: -- Приди такой... Ты слышишь издали? Приди другой! Подыми меня до себя... Не переступай через мою совесть и сердце... Я молюсь тебе: будь героем... Я готова во всем повиноваться тебе... Будь героем! О, будь им!

Впервые: "Современный мир" No 10, 1908 г.

Исходник здесь: Фонарь. Иллюстрированный художественно-литературный журнал.